

УТВЕРЖДАЮ

Первый проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет» (МПГУ),

академик РАО, доктор географических наук, профессор

Дронов Виктор Павлович

2018 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации о диссертации Светланы Михайловны Кусмауль «Становление орфографических норм церковнославянского языка во второй половине XVI — первой половине XVII в.», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 — русский язык

Диссертация С. М. Кусмауль «Становление орфографических норм церковнославянского языка во второй половине XVI — первой половине XVII в.» представляет первостепенный интерес для истории церковнославянского языка великорусского извода, поскольку заполняет такую ее лакуну, как унификация принципов орфографии в период раннего книгопечатания до никоновской книжной справы, которая всегда была в центре внимания исследователей, тогда как подготовившая ее грамматическая (resp. орфографическая) мысль московских книжников второй половины XVI — первой половины XVII века оставалась изученной довольно слабо. Именно поэтому **новизна** рецензируемой работы очевидна, особенно если учесть исчерпывающий характер данных, представленный в содержащих полную статистику орфографического варьирования таблицах, которые были составлены на основе фронтального обследования всех

печатных изданий указанного времени (и не указанного в заглавии диссертации места, то есть Московского царства). Привлечение в качестве сравнительного материала данных рукописной традиции того времени, которая, безусловно, еще значительно преобладала над печатной, нельзя не отнести к методологическим достоинствам диссертации, что определяет ее безусловную **актуальность**: недостатка конкретного материала по истории церковнославянской орфографии московской школы XVI–XVII вв., статистически проанализированного и представленного в виде наглядных таблиц и схем, теперь попросту нет, так что исследователи славянской книжности этого времени могут смело им пользоваться. С. М. Кусмауль выделила все орфографические признаки двух из трех исследованных ею периодов — 1620–1630-х и 1640-х гг., — собрав их в компактном Приложении 3 «Маркеры орфографического узуса» (с. 313 диссертации), тогда как отсутствие указанных признаков (маркеров) может свидетельствовать о принадлежности текста к более ранней орфографической традиции. Этими полезными — в прямом смысле — свойствами диссертации обусловлена ее **практическая значимость**: исследованием С. М. Кусмауль действительно довольно удобно пользоваться как справочником, если необходимо по орфографическим маркерам датировать или локализовать текст, печатный или рукописный (конечно, эта проблема более актуальна именно для исследователей рукописной традиции, в которой датировка и локализация обычно весьма проблематична).

Теоретическая значимость рецензируемой диссертации — кроме той формулировки, что представлена в ней самой и в автореферате, а именно о статистической надежности выводов, точно привязанных к хронологии, — связана также с верификацией грамматических (resp. орфографических) идей московских и югозападнорусских книжников на конкретном текстуальном материале, который демонстрирует реальность применения тех или иных высказывавшихся ими положений и позволяет выявить невысказанные, что в целом уточняет интерпретацию их терминологии, не всегда понятной без конкретных примеров.

Структура диссертации в целом традиционна и логична, отвечает ее целям и задачам, разве что очерк истории вопроса оказался неожиданно вынесен в самое начало **Введения** (с. 5–12), в котором обычно формулируются основные положения и принципы, тогда как реферативный раздел диссертации составляет отдельную главу или параграфы (при этом в автореферате столь важная составная часть Введения никак не оговорена). Однако такая композиционная особенность диссертации С. М. Кусмауль

представляется вполне адекватной и степени разработанности ее проблематики в предшествующей литературе, и самой структуре работы, в которой основное внимание уделяется анализу конкретных памятников и выявлению на его основе орфографических принципов: при выделении реферативного раздела в особую главу или параграф и увеличению его объема существенно бы вырос и объем самой диссертации, уже составляющей вместе с приложениями 321 страницу текста с уменьшенными по сравнению с привычным для диссертаций кеглем и интерлиньяжем.

Рецензируемая диссертация делится на **три главы** в соответствии с тремя исследованными С. М. Кусмауль периодами в истории становления орфографических норм: «Орфографические особенности изданий второй половины XVI — начала XVII в.», «Орфографические новации 1620-х гг.» и «Орфографическая справа 1640-х гг.», — при этом их структура в основном повторяет друг друга. Так, каждая глава начинается характеристикой источников и анализом сведений о действующих лицах каждого из трёх периодов: в первой главе это анонимные московские издания 1550-х гг., Иван Федоров и Петр Мстиславец, Никифор Таракиев и Андроник Невежа, а также Иван Невежин, Анисим Радищевский, Никита Фофанов и «мастера» Московского печатного двора после окончания Смутного времени (охарактеризованы в параграфах «Некоторые сведения из истории книгопечатания второй половины XVI — начала XVII в.: типографии и печатники», «Источники» и «Орфографические особенности изданий Ивана Федорова»); во второй главе в качестве основных субъектов орфографической деятельности 1620-х гг. рассматриваются уже не печатники, а справщики Московского печатного двора, сведения о коих почерпнуты из кавычных экземпляров и приходно-расходных книг (параграфы «Характеристика книжной справы 1620-х гг.: справщики, корректурные экземпляры, грамматическая мысль» и — особо — «Источники»); третья глава начинается с описания деятельности книжников 1640-х гг. как первой целенаправленной книжной справы (параграфы «Общая характеристика справы 1640-х гг.» и — снова особо — «Источники»).

Основные, собственно лингвистические, параграфы всех трех глав диссертации С. М. Кусмауль посвящены следующим вопросам: 1) варьированию графем «и восьмеричное» и «ї десятеричное»; 2) варьированию трех типов «о» (или двух, если объединить в один собственно «о»): «о узкого», «о широкого» и «ѡ (омеги)»; 3) употреблению буквы «s (зело)»; 4) особенностям использования надстрочных знаков. Кроме

того, во второй период (1620-е гг.), рассмотренный во второй главе, возникает проблема разграничения «*е* узкого» и «*е* широкого», а третий период (справа 1640-х гг.) характеризуется резким возрастанием тех участков орфографической системы церковнославянского языка московского извода, которые подверглись нормализации: это также появление пробелов между служебными словами и знаменательными, варьирование «*ѧ* (юса малого)» и «*ѧ* (отованного *аза*)» (включая различие разных значений слова *язык*), варьирование «*ука* диграфного» и «*ука* лигатурного», распределение «смягчающих» и «несмягчающих» гласных букв после шипящих в грамматических целях (*ъ/ѣ*, *ѧ/ѧ*, *и/ы*), появление буквы «*й* (и с краткой)» и, наконец, правописание заимствованных слов, преимущественно имен собственных. Все указанные вопросы были рассмотрены автором рецензируемой диссертации — подчеркнем еще раз — на исчерпывающем языковом материале со всею возможной полнотою.

Каждая глава заключается четко сформулированными выводами, которые затем обобщены в общем **Заключении**. **Библиография** содержит список исследовательской литературы (189 позиций) и источников — как старопечатных книг, так и рукописей (всего 190 позиций). Диссертация также содержит **три приложения** и четыре иллюстрации (снимки рукописей и старопечатных изданий), вынесенные в самый конец работы.

При всей весьма высокой оценке диссертационного исследования С. М. Кусмауль у нас имеется одно принципиальное и несколько частных **замечаний**, которые в целом не снижают данную оценку, но позволяют уточнить ряд моментов и усилить положения, выдвигаемые диссиденткой.

1. Принципиальным нам кажется то, что в формулировке темы диссертации «Становление орфографических норм церковнославянского языка во второй половине XVI — первой половине XVII в.» не указан извод церковнославянского языка — московский (или ареал его функционирования — исключительно Москва), а также сосредоточенность исследовательницы на печатных изданиях, а не на рукописях, которые все же представляли собой основную форму бытования церковнославянского языка в указанный период. Если выбор печатных изданий как мощного средства нормализации языка вполне оправдан (хотя и не отражен в названии работы), то ареальное ограничение необходимо было оговорить особо: во-первых, почему выбраны только московские издания (не потому ведь только, что исследовательница живет и работает в современной Москве и защищает свою диссертацию в московском академическом институте); во-вторых, отказ от анализа — хотя бы в самом общем виде —

орфографического узуса югозападнорусских книжников также должен был быть как-либо обоснован. Конечно, С. М. Кусмауль прекрасно понимает, каким именно языковым материалом занимается и многократно пишет о «церковнославянском языке великорусского извода», но не во всех общих формулировках очевидно, что речь идет именно о нем, а не о церковнославянском языке вообще. Возможно, это связано с тем, что церковнославянский язык именно в великорусском ареале сыграл решающую роль в становлении литературного языка нового типа — русского, так что автор диссертации невольно находится под влиянием этой «национальной» aberrации, недооценивая, видимо, тот факт, что церковнославянский язык вообще в XVI–XVII вв. был «языком без народа» (тогда как сейчас он скорее язык «православного русского народа»). Думается, что С. М. Кусмауль не помешало бы знакомство с концептуально важной для понимания сего факта статьи Гельмута Кайперта «Kirchenslavisch-Begriffe», опубликованной также в 2017 г. в русском переводе под заглавием «Церковнославянский язык: круг понятий» (к сожалению, в списке литературы диссертации она отсутствует).

Остальные замечания носят частный характер, часть из них является скорее дискуссионными вопросами, чем собственно замечаниями:

2. Формулировка начальной части первого положения, выносимого на защиту, представляется неудачной: «Книжная справа XVII в. связана с именами спрашиков» (с. 14 диссертации, с. 6 автореферата). Судя по всему, не просто с именами, а с их личностями, а точнее — с их личными орфографическими установками.

3. Эксплицирована ли в каких-либо аутентичных грамматических источниках установка книжников XVI–XVII вв. на то, что буква «ї десятеричное» использовалась «для выражения идеи единичности»? Или это положение является собственным умозаключением автора? Если верно последнее, то насколько оно обосновано? И могла ли эта «идея единичности» впоследствии, уже в 1650-х гг., повлиять на установление узуса для слова *миръ* ‘вселенная’?

4. Если определенная идея — «идея единичности» — лежала, по мнению С. М. Кусмауль, в основе разграничений написаний с буквами «и восьмеричное» и «ї десятеричное», то какая идея могла лежать в использовании буквы «з (зело)? Как нам представляется, часть из слов, в которых она закрепилась, содержит «идея зла»: не могла ли сама форма этой буквы напоминать о змее? Так, например, в русских рукописях XV–XVI вв. встречается орнаментированное исполнение этой буквы, причем не в

инициалах, а в основном тексте, когда ей придается явное сходство с пресмыкающимся (извивающийся хвостик, штриховка в виде чешуи, голова с глазом и высунутым языком).

5. На с. 234–235 утверждается, что замена написаний *їл* на *їа* осуществлялась «в соответствии с греческим сочетанием букв *ια*», однако данный орфографический прием был хорошо известен в славяно-русских рукописях уже в эпоху «второго южнославянского влияния», причем не только в грецизмах: является ли эта замена свидетельством обращения к греческой орфографии в ходе споры 1640-х гг. или представляет собой актуализацию более старого узуса?

6. Значение ‘речь’ у слова *язык* группируется в диссертации со значением ‘орган речи’, из чего делается вывод, что написание этого слова через «*аз* йотованный», которым маркируется значение ‘народ’, ошибочно (с. 240). Однако не может ли такое написание быть не ошибочным, а представляющим просто иное понимание языка-речи — как чего-то присущего народу, чем один народ отличается от другого?

7. Вместо словосочетания *пагинация листов* (с. 20, 36, 40, 77 и др.) в археографической литературе используется более точный термин *фолиация*.

Автореферат и указанные в нем 5 публикаций, включая три в изданиях **перечня ведущих рецензируемых научных журналов ВАК**, отражают основные положения диссертации, имеющей необходимую апробацию, в том числе на пяти конференциях (с. 6 автореферата, с. 14 диссертации).

Таким образом, диссертация Светланы Михайловны Кусмауль «Становление орфографических норм церковнославянского языка во второй половине XVI — первой половине XVII в.» является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи выявления и описания принципов орфографической нормализации церковнославянского языка московского извода по данным старопечатных изданий, имеющей важное значение для истории церковнославянской и русской орфографии и истории славянской грамматической мысли эпохи раннего Нового времени. Диссертация является актуальной и перспективной, обладает необходимой степенью новизны, демонстрирует необходимый уровень владения общенаучными и филологическими методами исследования, имеет теоретическое и практическое значение.

Тема, содержание и результаты диссертации отвечают Паспорту специальности 10.02.01 — русский язык.

Диссертационная работа соответствует критериям п.п. 9, 10, 11, 13, 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ № 842 от 24.09.2013 (в редакции постановления Правительства № 1024 от 28.08.2017), предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, а ее автор, **Светлана Михайловна Кусмауль**, заслуживает присуждения ей искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 — русский язык.

Отзыв подготовлен доктором филологических наук (10.02.01 — русский язык), профессором кафедры русского языка Института филологии МПГУ Светланой Михайловной Колесниковой и кандидатом филологических наук (10.02.01 — русский язык), доцентом кафедры русского языка Института филологии МПГУ Александром Игоревичем Грищенко и утвержден на заседании кафедры русского языка (протокол № 2 от 21 сентября 2018 г.).

Наталья Анатольевна Николина,
заведующая кафедрой русского
языка Института филологии МПГУ,
кандидат филологических наук,
профессор

Н. А. Николина

Контактные данные:

Николина Наталья Анатольевна
кафедра русского языка Института филологии
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего
образования «Московский педагогический государственный университет»
119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, ауд. 314
Тел.: +7 (499) 246-57-12
rus@mpgu.su

С основными трудами сотрудников кафедры русского языка Института филологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет» можно ознакомиться на сайте: <http://mpgu.su/obmpgu/struktura/faculties/institut-filologii-i-inostranniyh-yazyikov/ob-institute/kafedryi/kafedra-russkogo-yazyika/>